ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВОРОВСКОГО ЗАКОНА

Евгений Зубков

кандидат филологических наук, доцент, Институт иностранных языков
Университета Яна Кохановского в г. Кельце (ПОЛЬША)
e-mail: v.zubkova@upscoczta.pl
UDC: 811.161.1'23'37: 343.21

ABSTRACT

Zubkov E. The forms of existence of the Master Felons' Brotherhood and Master Felons' Law

The paper focuses on the Master Felons' Brotherhood and Master Felons' Law. The author studies the existing sources on the issue and shows their internal and external contradiction. The paper also presents the scientifically proved forms of existence of the Master Felons' Brotherhood and Master Felons' Law along with a range of problems that should be taken into account during related research.

Key words: sources, internal and external contradiction, Master Felons' Brotherhood, Master Felons' Law.

Целью статьи является исследование Воровского Закона. Автор критически рассматривает существующие источники по теме и показывает их внутреннюю и внешнюю противоречивость. В статье также показаны научно доказуемые формы существования Воровского Закона наряду с рядом проблем при его исследовании.

Ключевые слова: источники, внутренняя и внешняя противоречивость, Воровской Закон.

Тема Воровского Закона интересует исследователей уже давно, и источники по вопросу становятся в настоящее время все более необозримыми и противоречащими наблюдаемому явлению. Поэтому, прежде чем непосредственно перейти к теме исследования, подробнее остановимся лишь на самых авторитетных источниках, уже выдержавших научную критику, и покажем их недостаточность, а также внешнюю и внутреннюю противоречивость.

В словарной статье «закон, воровской закон» Д. С. Балдаев описывает рассматриваемое нами явление как «неписанные правила, традиции воровской среды, выполнение которых обязательно для всех ее представителей» [1, с. 142]. Как видим, информации слишком недостаточно, чтобы составить представление о рассматриваемом явлении. Словарная статья «вор в законе» также ничего не проясняет: «авторитетный, опытный вор, с мнением которого нельзя не считаться. Наречение вора 'вором в законе' происходит на сходках (см.). Одно из условий перевода в этот 'ранг' – несомненное соблюдение воровского закона (см.).» [1, с. 68]. Обратим внимание не только на скудность подаваемой информации, но и на неправильность словоупотребления – «вор в законе» [5]. С другой стороны, необходимо отметить, что в словаре Д. С. Балдаева встречается также правильное словоупотребление – «законник, законный», т.е. «вор, соблюдающий закон (см.).» [1, с. 142]. Самое главное заключается в том, что Д.С. Балдаев противоречит самому себе и логике, говоря о неизменности «традиций воровской среды»: «Уголовный мир любой страны есть своеобразный барометр, который чутко реагирует на все перемены политической и экономической жизни общества» [1, с. 5]. С точки зрения здравого рассудка нам трудно ожидать, чтобы кошелек срезали, а не вытаскивали, искали для угона коня, а не автомобиль, вместо мест лишения свободы ожидали ссылки на каторгу (галеры), колесования или посадки на кол и т.д.. С другой стороны, если посмотреть на «традиции воровской среды» как на какой-то религиозно-правовой кодекс, регулирующий отношения¹ в

¹ Нормы поведения, стереотипы и алгоритмы поведения, «характеристики связей» между индивидами, напрямую или косвенно вовлеченными в какие-либо противоправные действия. К вопросу применения терминологии, соответствующей наблюдаемому явлению, мы вернемся ниже.

среде профессиональных преступников, то тогда подобное утверждение имело бы смысл. К сожалению, в своем достаточно качественном словаре Д.С. Балдаев обходит эту тему молчанием.

В другом авторитетном источнике по вопросу мы встречаем следующее определение: «закон (Д) или (ДА)¹ **воровской закон** – неписанный, но строго соблюдаемый закон преступного мира, продолжающий вековые традиции (см. ниже 1⁴). – 1². Воровской закон устанавливает нормы поведения и наказание за их нарушение (см. толковище)². Между прочим, закон запрещает сотрудничать с властями (ср. сука 1); в случае поимки воров на месте преступления закон обязывает самого младшего прикрывать отступление старших, даже ценой своей жизни. В случае же поимки – брать на себя вину старших и т.п. По закону вор – аристократ (ср. вор 1); см. вахта 2. – 1³. Находящимся в заключении закон, якобы, запрещает отнимать пайку даже у фраера (ср. 'он же') 2); доносить даже на суку; занимать командные посты (сотрудничество с властями); принимать участие в постройке карцеров, зон и т.п. Считается, что закон вовсе запрещает работать (...) 1⁶. (Д) Новый воровской закон – закон, введенный суками в конце II мировой войны, разрешает сотрудничать с властями (см. сучья война 2) (...)» [13, ч. 1, с. 122-123]. Как видим, Ж. Росси упоминает некоторые нормы поведения (поведенческие стереотипы и алгоритмы), но не проясняет внутренних механизмов, т.е. «характеристик связей». Некоторые несоответствия информации в приведенной цитате наблюдаемому явлению, т.е. Воровскому Закону, так и Ж. Росси самому себе, поданы нами ниже:

1. «даже ценой своей жизни» – жизнь, особенно собственная, является наивысшей ценностью и перекрывает остальные ценности (Нефеш, Пикуах Нефеш) [4].

2. «занимать командные посты (сотрудничество с властями)» – Ж. Росси сам упоминает об институте выборного старосты: «(...) По старой традиции царской тюрьмы староста избирался самими заключенными в открытом голосовании и представлял все камеры (...) Советская власть допускала эту царскую традицию и даже распространила ее на лагеря принудительных работ (...) С начала 30-х гг. выбранный староста должен был дополнительно быть утвержден администрацией. (...) Летом 1938 г. во всех пенитенциарных заведениях СССР институт выборного старосты упраздняется (...)» [13, ч. 2, с. 391]. Как видим, «вековой традиции» не наблюдается.

В словарной статье «блатной» у Ж. Росси упомянута следующая информация: «(...) Блатной признает один лишь воровской закон (см. закон 1⁶) и отвергает все прочие законы. Он презирает всех неблатных, в том числе и уголовников (ср. сучья война 1; 2). Все они рассматриваются как дичь, на которую у блатного неограниченное право охотиться (...)» [13, ч. 1, с. 33]. Получается, что «блатной» поступает согласно «Новому Воровскому Закону» и является «сукой». «Сука» понимается Ж. Росси как «ссучившийся вор, т.е. нарушивший воровской закон» [13, ч. 2, с. 402]. Словарная статья «вор» отсылает нас к словарной статье «Закон 1⁵» [13, ч. 1, с. 59]. Словарная статья «сучья война» не проясняет, в чем заключается Воровской Закон, а лишь ставит под сомнения утверждения самого Ж. Росси выше: «В царское время воровской мир огромной империи составлял единое содружество, из которого изменники неуклонно изгонялись (...) Сучья война особенно разгорелась после нападения гитлеровской Германии на СССР летом 1941 г., в результате чего ряд честных воров стал офицерами Красной Армии (...)» [13, ч. 2, с. 403-404]. В словарной статье «закон» подается дата «в конце II мировой войны», а «летом 1941» «сучья война» «особенно разгорелась». Кроме того, не прояснен вопрос – офицеры стали «ворами», а потом опять офицерами, или же «воры» сразу были произведены в офицеры.

Итак, у рассматриваемого автора наблюдается ряд противоречий собственным утверждениям, что свидетельствует о неполном понимании сути рассматриваемого явления, т.е. Воровского Закона. Следует, однако, признать, что Ж. Росси, как и Д.С. Балдаев, **усмотрели в Воровском Законе набор определенных стереотипов и**

¹ Ж. Росси принимает условное обозначение (Д) для «специфически уголовное», а (А) как «народное». Указ. соч., ч. 1, с. 7. Следовательно, (ДА) следует понимать как «специфически уголовное» и «народное». **На основе этого мы можем высказать предположение, что первоначальной формой является «закон».** Это предположение подтверждается соловуопотреблением «закон» в польском уголовном дискурсе, рассмотренным нами ниже.

² В рассматриваемом источнике упоминается «совещание воров ('честных' или 'сук')» «воровской суд», более детальная информация отсутствует. Указ. соч., ч. 2, с. 409.

алгоритмов поведения в среде профессиональных преступников, что является их несомненной заслугой. В данной связи необходимо упомянуть также работы П. А. Скобликова, содержащие наиболее полный, из известных нам, набор поведенческих стереотипов и алгоритмов профессиональных преступников. Сбор и анализ имеющихся письменных источников по «воровскому праву» позволили П. А. Скобликову высказать предположение, что Воровской Закон как свод правил существует в форме текста объемом в страницу, поскольку иных вещественных доказательств не имеется [14, с. 106-130]. Нами было доказано на основе сравнительного анализа русского и польского уголовного дискурсов, что П. А. Скобликов анализировал не Воровской Закон, а т.н. «Рамки» («Рамы», «Рамсы», «Нормы», «Правила») и «Воровские Наказы» [7, с. 248-265]. Как видим, отсутствие соответствующей наблюдаемому явлению модели не позволило исследователю сделать правильные выводы, несмотря на тщательный сбор информации и ее анализ. К сожалению, данное утверждение относится и к работам других серьезных исследователей.

В словаре исследователей с мировым именем М. А. Грачева и В. М. Мокиенко нет словарной статьи «Воровской Закон», но есть словарная статья «вор в законе»:

«Вор в законе – профессиональный преступник, строго соблюдающий криминальные принципы и традиции. Это чисто русское образование: ни в какой другой стране такой разновидности преступников нет и не было. В СССР фразеологизм *вор в законе* появился примерно в 50-е годы XX в., хотя сама эта каста возникла в 20-х годах XX в. (не случайно их еще называли *нэпманскими ворами*) (...) данный фразеологизм отсутствует в основных словарях арго первой половины XX в., хотя имеются лексемы, его составляющие, или слова, которые послужили образованию данного фразеологизма (...). Предтечами *воров в законе* были так называемые *Иваны(иваны)*. В середине XIX – начале XX в. *Иванами, Иванами непомнящими* называли бродяг, скрывающих свое настоящее имя (...). Однако на самом деле *Иваны* были одной из высших и привилегированных каст в преступном мире, которая в местах лишения свободы командовала каторжанами. Между тем именно *Иваны* и были праобразом *воров в законе*. Не случайно и *Иваны*, и *воры в законе* называли себя *бродягами*: *бродяга* – арготизм, обозначающий профессионального преступника, неукоснительно соблюдающего воровские традиции и законы (...). Сочетание *в законе* образовалось от арготизма *закон (воровской)*, - ‘правило, которое должен соблюдать профессиональный преступник’. (...) [3, с. 78-82]. К сожалению, авторы словаря не указали, откуда взята ссылка и в чем заключается это «правило». В представленной выше цитате следует обратить внимание на ряд моментов:

1. В приведенной словарной статье, как и в словарной статье «Иваны и Фанычи» [3, с. 117-120], авторы не уточняют, в чем конкретно заключалась преемственность традиции от «Иванов» к «ворам в законе», каким был набор этих стереотипов и алгоритмов поведения, ну и, конечно же, чем является Воровской Закон.

«ни в какой другой стране такой разновидности преступников нет и не было». Сами исследователи упоминают, что «сочетание *в законе* образовалось от арготизма *закон*». Выше, при рассмотрении словаря Ж. Росси, указывалось, что словоупотребление «закон» является «специфически уголовным», тогда как «воровской закон» имеет широкое употребление. Автор представленного исследования ранее высказывал предположение о польском происхождении словоупотребления «закон» [7, с. 353]. В пользу такого предположения о польском происхождении словоупотребления свидетельствует, например, прямое упоминание у В. В. Крестовского: «Золотая рота образовалась в половине тридцатых годов [примеч. Е.З. – XIX века]. Первыми основателями ее были три польских дворянина. (...) [10, т. 1, с. 101]. Соответствие «Золотой Роты» современному Воровскому Закону было нами доказано ранее [9]. Однако усмотреть это соответствие, а также критически сравнить источники по Воровскому Закону, стало возможным лишь после выработки соответствующей модели для анализа русского уголовного дискурса.

В польскоязычной литературе по рассматриваемому вопросу наблюдаются та же скудность и противоречивость источников. Например, в словаре К. Стемпняка¹ можно найти словарную статью «закон»: «1. ‘niepisane, a zwykle obowiązujące prawo złodziejskie’.

¹ Собирал информацию в местах лишения свободы в качестве подозреваемого, работал в спецподразделениях по борьбе с организованной преступностью.

Przynależność do zakonu 'przynależność do społeczności złodziejskiej'. Zakon złodziejski 'etos złodziejski, środowisko złodziejskie'. (...) Urkieski zakon 'profesja złodziejska'(14) (...)»¹ [15, с. 453]. Как видим, в польском уголовном дискурсе «zakon» значит как «сбор норм поведения», так и «религиозное братство». К сожалению, не проясняется, в чем состоит этот «сбор норм поведения» (набор поведенческих стереотипов и алгоритмов). Важно также указание на «преступный эпос», т.е. не только на «традиции». (14) в тексте цитаты указывает на первоначальный источник словоупотребления – публикацию С. Йедлеевского «Несовершеннолетние в исправительных учреждениях» (Jedlewski S., *Nieletni w zakładach poprawczych*. Wiedza Powszechna. Warszawa 1962) [15, с. 488]. Датировка и название публикации свидетельствуют о наличии словоупотребления «zakon» не только в среде профессиональных преступников.

Особого внимания заслуживают работы Б. Геремека, особенно его статья «О тайных языках». Несмотря на пробу анализа «тайных (условных) языков», в своих глубоких исследованиях он столкнулся с рассматриваемым нами явлением, т.е. упоминаниями о Воровском Законе. **Проба анализа стереотипов и алгоритмов поведения на основе лингвистического инструментария** привела к использованию ряда терминов, зачастую по отношению к одному и тому же явлению: «języki tajemne», «żargon», «zbiory znaków kulturowych», «sztuczne języki grupowe», «gwara przestępcza», «terminy żargonowe», «argot», «kod przestępczy», «skryte języki», «dekryptarz terminów», иногда относя к ним и диалекты (żargon wenecki, toskanski, mediolański i inne) [2, с. 227]. К подобным неточностям выдающегося историка привело отсутствие адекватного лингвистического инструментария и, конечно же модели, соответствующей рассматриваемому явлению.

Нельзя однако отказать в научном чутье выдающемуся историку. Б. Геремек рассматривает словоупотребления как основу принадлежности к какой-либо закрытой группе, эта мысль повторяется постоянно в его статье и является предметом исследования. Однако он зачастую противоречит сам себе, причем, на наш взгляд, делает это намеренно, считая нужным сообщить важную информацию. Например: «(...) Среда гуманистов восторженно интересовалась gergo (арго) как одной из ветвей эзотерического знания. Жаргон таким образом входил в литературу, становился предметом языковой игры. В литературных кругах, связанных с двором Медичи, возникали стихи и письма на жаргоне, курсировали словари и трактаты, представляющие как жаргон, так и маргинальные группы общества, которые на нем общались» [2, с. 227]. В цитате мы видим, что «арго» когда-то воспринималось как «ветвь эзотерического знания». Кстати, видение Воровского Закона как религиозно-правового кодекса упомянуто в исследованиях Б.А. Ларина, но опять же, отсутствие соответствующей модели не позволило выдающемуся ученому сделать необходимые выводы и заставило ограничиться лишь поданием информации о нищих-галахах, реформирующих Арго и читающих Апокалипсис от Иоанна или иную молитву [11].

Рассмотрим еще одну интересную цитату в работе Б. Геремека, которая покажет, как может восприниматься возможность реформы Воровского Закона без применения для исследования соответствующей модели: «(...) В семидесятых годах прошлого века [Примеч. Е. З. – XIX] пресса писала, что в Румынии возник новый тюремный жаргон, и описывала, как это случилось. Вот, в связи с усилением действий полиции, преступники создали в одной из тюрем специальную комиссию, которая должна была создать специальный условный язык. В состав комиссии были выбраны преступники различных национальностей – румыны, венгры, евреи, русские. Можно предполагать, что речь шла о введении слов иностранного происхождения, что являлось постоянной процедурой во всех условных жаргонах. (...) Анекдот о создании румынского жаргона – незаслуженно от того, является ли это правдой – показывает одну из возможностей возникновения жаргона» [2, с. 235]. Исследователь видит сам, что есть информация о какой-то многонациональной комиссии, которая что-то реформирует, но не считает реально возможным создание специального условного языка с такой скоростью – «анекдот о создании... является ли это правдой».

Как видим, серьезные источники по Воровскому Закону скупы и даже внутренне противоречивы. Иные источники были рассмотрены автором представленного исследования

¹ «'неписанное, но обычно обяывающее право профессиональных преступников'. Принадлежность к Закону 'принадлежность к обществу профессиональных преступников'. Воровской Закон 'преступный эпос, преступная среда' (...) Урочий закон 'преступная профессия' (14) (...)»

ранее [7], и была доказана их внутренняя и внешняя противоречивость. Кроме того, было отмечено, **при переводе с целью прояснения непонятого фрагмента текста переводчики зачастую еще больше прячут ценную информацию, или же по просту ее искажают** [6]. На основе синтеза концепции этногенеза Л.Н. Гумилева, концепции «отсутствующей структуры» У. Эко и функционально-прагматической модели лингвосомиотического опыта О.В. Лещака нами была предложена модель для анализа русского уголовного дискурса. Применение этой модели подтвердило результаты «контактных» исследований и позволило установить, что Воровской Закон является «(...) синтезом представлений о Старом римском праве до кодификации Юстиниана (Законы XII таблиц, Институции Гая, Салическая правда), Устной Традиции (с элементами Гемары и Каббалы), восточной ветви митраизма (Законы Ману и черный бон модифицированный тантраяной), Кодексе Хаммурапи и воззрениях иудео-христиан (есеев, мандеев, тибетских вариантов шиизма)» [4]. К этим выводам мы пришли как на основе «контактных»¹ исследований, так и выработанной модели для исследования русского уголовного дискурса.

Теперь непосредственно перейдем к теме статьи и подробнее остановимся на том, как выражается такой синтез представлений. Выше нами было показано, что применение чисто лингвистических моделей для исследования Воровского Закона приводит зачастую к неправильным выводам. Вызвано это **невозможностью правильного применения лингвистического инструментария к наборам стереотипов и алгоритмов поведения и к интерпретации мыслей, многие из которых выражаются иносказательно или косвенно, а некоторые лишь имплицитно выражаются действиями**. Ключевую роль здесь играют как «символ веры», так и «воля к вере», т.е. интенциональность сознания.

Метод профилирования по отношению к Воровскому Закону нами применялся ранее [7, 9], применение этого метода в данной статье уведет нас в сторону от темы исследования. Поэтому ряд системных зависимостей и характеристик связей нами объяснены в несколько иной, значительно упрощенный способ.

Представим себе Воровской Закон просто – как пять правовых кодексов, которые полностью легальны с точки зрения современного законодательства и даже доступны в местах лишения свободы. Сразу возникает вопрос – какую форму будут иметь эти кодексы и из какого числа томов состоять. На ином уровне модельного обобщения мы уже задумаемся над тем, сколько же правовых кодексов составляют «Воровское Пятикнижие» с точки зрения современной историко-правовой методологии и на чем основывался принцип их категоризации.

При обычном диахроническом исследовании проблемы могут вызывать элементы комбинаторики Воровского Закона. Например, Кодекс Хаммурапи хронологически является одновременно самым первым и самым последним. Но для подобных утверждений сначала необходимо знать, что Кодекс Хаммурапи входит в настоящее время в «Воровское Пятикнижие» как самый старый правовой кодекс человечества. Но он не мог быть частью Воровского Закона до открытия Гротефенда и даже значительно позже. Поверить в обратное не имеем оснований. Самым интересным является то, что мало кто над этим задумывается при «воле к вере», как и над принципами категоризации упомянутых выше кодексов (почему пять, а не тринадцать, двадцать один или восемьдесят два). С другой стороны, Кодекс Хаммурапи соответствует системным зависимостям и характеристикам связей «Воровского Пятикнижия», поэтому ряд хронологических аспектов развития Воровского Закона может интересовать лишь исследователей.

Автор представленного исследования упоминал ранее: «(...) У историков могут возникнуть вопросы, связанные с постоянным цитированием «Сборника документов» К.Е. Ливанцева во второй главе исследования – автор признает, что была отдана дань традиции, хоть и достаточно молодой, согласно которой в 80-х годах прошлого века подобные письменные источники могли служить для решения правовых конфликтов в местах лишения свободы. Кроме того, подобное цитирование имеет целью показать как роль письменных источников по рассматриваемым религиозно-правовым системам в русском уголовном дискурсе, так и способы возможной интерпретации мыслей (идей) Воровского Закона (...)» [7, с. 313]. Представим себе традиционный лингвистический анализ упоминае-

¹ «Контактные» исследования проводились методом т.н. «постоянной орбиты» исследователя, что предусматривает наличие лишь общей информации о респондентах.

мого «Сборника документов» и попробуем выделить арготизмы, жаргонизмы, элементы фени...

Итак, при рассмотрении Воровского Закона мы имеем дело с *синтезом представлений о пяти религиозно-правовых системах*, причем эти представления у каждого «законного вора» могут несколько отличаться. Если же представить себе количество просто слышавших о существовании Воровского Закона и не относящихся к числу последователей данного вероучения (адептов дискретной антисистемы согласно концепции этногенеза Л.Н. Гумилева), то тогда вариативность представлений значительно возрастает. Кроме того, при решении правовых конфликтов «принцип талиона» в Воровском Законе уже в большинстве случаев на практике предрешает исход спора, «не вор» не является стороной согласно Воровскому Закону. Это приводит к тому, что в среде «воров» вполне могут встречаться лица, для которых Воровский Закон является только инструментом для обоснования собственной правоты: взял книгу, открыл, прочитал нужные мысли. Главное помнить, какие именно книги надо читать, и что ты одновременно в этих книгах римлянин, брахман, иудей (иудео-христианин) и салический франк. Объяснить почему в настоящее время не у всех получается, не осмешив себя [5]. Правовые споры на практике решаются чаще при помощи «понятий», т.е. собственного понимания добра и зла, или же при помощи «Воровских Наказов» и «Рамок», практических указаний объемом в страницу [7, с. 235-265].

Казалось бы, Воровский Закон должен находиться в состоянии полного гомеостаза, являться просто пятью кодексами, которые группа людей возвела в ранг последней и окончательной инстанции для практического решения правовых конфликтов в преступной деятельности, и само это событие сделала тайной. Этому противоречит постоянное развитие Воровского Закона (дискретной антисистемы) в связи с изменениями антропогенного ландшафта и научно-техническим прогрессом в процессе передачи информации, что также выражается в развитии взглядов на «символ веры» дискретной антисистемы.

Герменевтическая процедура исследуемой антисистемы (в упрощении «символ веры») была нами исследована ранее [7, с. 87-102], и для целей представленного исследования достаточно обобщения, что «костяк» Воровского Закона формировали каббалистические поиски «скрытого смысла» в упомянутых выше религиозно-правовых кодексах, сходные и зачастую покрываемые с «Небесной эзотерикой» (батын аль-фалак) в том числе.

С точки зрения современного уровня научных знаний для объяснения наблюдаемого явления (Воровского Закона), его сути и форм существования **мы доказали применимость терминов «дискретная антисистема» и «криптосистема с открытым ключом».** **Остается открытым вопрос, сколько еще терминов и из каких областей знания можно применить к рассматриваемому явлению, чтобы дать характеристику форме его существования.** Вполне возможно употребление термина Арго, в его первоначально зафиксированном смысле, известном по работе Б.А. Ларина (т.е. Арго как религиозно-правовой кодекс). Тогда в рамках современного языкознания такой термин (Арго) по отношению к Воровскому Закону должен соответствовать следующей дефиниции: «(...) пространственно-временной континуум (...) сосредотачивается вокруг текста (или набора текстов) в процессе его (их) создания или воспроизведения по определенным принципам лингвосемиотической системы (кода) в границах определенного функционального типа деятельности, основанной на опыте» [12, с. 34]. В данной связи необходимо принимать во внимание, что такой код асимметричен и его применение зачастую основано на принципах модулярной арифметики.

С точки зрения точных наук, возможна следующая характеристика: «(...) Теоретически находясь в стадии гомеостаза, Воровский Закон постоянно меняется в связи с развитием научных знаний относительно этих систем. Вызвано это, в упрощении, биективной функцией, и сюръекция при трансформации Старого Воровского Закона в Новый Воровский Закон заставляет нас обратить внимание на произвольное непрерывное сюръективное отображение топологических пространств. Здесь множество с дополнительной структурой определенного типа может быть, конечно же, определено предбазой. Эта проблема решается без существенных модификаций версий системы «Эйдос», даже при недостатке исходных данных. Однако остается ряд трудно решаемых проблем. Первой из них является ответ на вопрос, имеем ли мы дело с (пред)базой, или же псевдобазой. Исследу-

мая система (дискретная антисистема согласно концепции этногенеза Л. Н. Гумилева) дискретна, сигнал длителен (несколько столетий), доверительный интервал неточен (...)» [8].

Причиной этих проблем, уже в терминах иных дисциплин научного знания, является то, что «согласно концепции О.В. Лещака, *лингвосемиотическая система (код) является бесконечным набором вариантов*, из которых некоей группой, конкорцией или конквистией, могут быть выбраны лишь некоторые варианты на основе определенных процедур и подпроцедур, имеющих «серийность» (в упрощении – цикл повторяемости). В какой-то момент времени может наблюдаться отсутствие соответствующей группы, что ведет к пассивному существованию некоторых элементов кода, например в прецедентных текстах или бессознательно устной традиции, но не их полному исчезновению» [7, с. 105-106]. Само собой разумеется, что в пространственно-временном континууме соответствующей группой такие элементы кода могут быть реанимированы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Балдаев Д. С., Словарь блатного воровского жаргона. От А до П. — М. : Кампана 1997.
2. Geremek B., O średniowieczu. — Warszawa : Instytut Historii PAN 2012.
3. Грачев М. А., Мокиенко В. М., Русский жаргон. Историко-этимологический словарь. — М. : Аст-пресс 2008. Программа Словари XXI века.
4. Зубков Е. А., Влияние иерархии ценностей в преступной деятельности на поведение индивида // Вестник Новгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 83/2014, часть 1. — Великий Новгород. — С. 68-73.
5. Зубков Е. А., Возможные ограничения при ответе на вопрос о принадлежности к «ворам в законе». Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) № 109/ 2015, IDA 1091505082 (on-line). Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/>
6. Зубков Е. А., Возможные упоминания Воровского Закона в «Похождениях бравого солдата Швейка». Язык и культура. Выпуск 18. Том I (176). — К., 2015. — С. 312-319.
7. Зубков Е. А., Иносказание в русском уголовном дискурсе. «Масти», «Понятия», «Воровской Закон». — Кельце : Изд. Университета им. Яна Кохановского, 2014.
8. Зубков Е. А., Некоторые способы сокрытия информации в уголовном дискурсе и применение АСК-анализа. Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) № 110/ 2015, IDA 1101506002 (on-line). Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/>
9. Зубков Е. А., Русский уголовный дискурс: реконструкция смыслов с опорой на реконструкцию дискурсных групп. La Table Ronde. Сборник материалов. Выпуск 2. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной слаистики. Минск 2013, с. 248-256.
10. Крестовский В. В., Петербургские трущобы (книга о сытых и голодных) в 2-х томах. — Л. (СПб) : Художественная литература, 1990.
11. Ларин Б. А., Западноевропейские элементы русского воровского аргю. Язык и литература. Л. (СПб.) 1931. Т. 7, с. 113-130 (on-line) <http://www.philology.ru/linguistics2/larin-31.htm>.
12. Leszczak O., Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu. — Toruń : Изд. Adam Marszałek, 2010.
13. Росси Ж., Справочник по ГУЛАГу. В 2-х частях. Изд. 2-е, дополненное. — М. : Просвет, 1991.
14. Скобликов П. А., Имущественные споры и криминал в современной России. — М. : Дело, 2001.
15. Stepniak K., Słownik gwar przestępczych. — Warszawa: Oficyna Wydawnicza Mireki.